

Последующие вводные рассуждения и две парные фразы снова возвращались к заданию, сначала разбирая первую половину темы — «дикие звери теснили людей». В первой строке последовательно говорилось о том, что в правление Яо и Шуня «святые мудрецы сменяли друг друга», выжигая леса и болота, чтобы прогнать дикое зверьё. В ответной же строке описывалась смена небесного пути: поскольку Шунь воплощал стихию Огня, а Тан Яо — стихию Воды, и Небо повелело Огню сменить Воду, после передачи власти от Тан Яо Шуню добродетельный И выжег леса и болота, отчего сотни зверей обратились в бегство и больше не могли вредить народу.

Затем следовало отдельное рассуждение, подытоживающее задание и подчеркивающее бедствия, причиняемые людям зверями. Далее средние две парные фразы связывали предыдущую мысль со следующей: от утверждения, что зверей истребляют без наставлений, переходили к тому, что человека невозможно оставлять без воспитания. Это и подводило ко второй половине темы — «то уподобляется дикому зверю».

Поскольку в средних двух парах фраз рассуждение не было раскрыто до конца, в начале последних двух парных фраз использовался служебный иероглиф «лишь». С его помощью проводилось сравнение людей и зверей, что продвигало аргументацию еще на шаг вперед: и людям, и зверям следует жить согласно своей природе. Как звери должны обитать в лесах и горах, не приближаясь к людям и не причиняя им вреда, так и люди — а именно «ничтожные люди», упомянутые Мэн-цзы, — должны спокойно трудиться в поле и за ткацким станком, не предаваясь праздности и гнушаясь трудом, словно звери, которые ищут лишь сытости и покоя.

Завершающие две пары фраз составляли ядро всего сочинения и требовали развернутого, убедительного слога. На эти конструкции ушло немало сил. Цуй Се только собирался прикрыть глаза и немного отдохнуть, как, обернувшись, заметил, что справа по проходу между кабинами идет с инспекцией Дай Жэнь. Тот как раз оторвал взгляд от чужой работы и столкнулся взглядом с Цуй Се.

Сердце Цуй Се ёкнуло, и он мгновенно взбодрился. Снова сосредоточившись на черновике, он почувствовал, как мысли хлынули упругим потоком. Одним росчерком пера, легко и непринужденно, он набросал заключительную пару фраз: в них звери снова сравнивались с людьми — их стремление к воде и страх перед огнем противопоставлялись праздности мелких людских душ. Написав это, он сразу придумал и итоговый вывод: достаточно было упомянуть печаль святого мудреца по этому поводу, чтобы возвысить замысел и идеально перекликнуться с заданием.

Когда Дай Жэнь подошел ближе, Цуй Се даже головы не смел поднять. Он аккуратно выводил каждую черточку, надеясь лишь на то, что Дай Жэнь, видя такое старание при составлении черновика, убедится в его честности и спокойно пойдет дальше.

Он тянул время, как мог, дописывая самый последний иероглиф, когда Дай Жэнь наконец шевельнулся. Однако он не пошел дальше, а протянул руку, взял черновик и тихо приказал:

— Раз у тебя феноменальная память, перепиши текст на чистовик по памяти. А этот листок я заберу почитать.

Цуй Се изумленно поднял голову, но Дай Жэнь уже повернулся и сухо добавил:

— Пиши как следует, над следующим заданием тоже не смей халаявить!

Свернув черновик в трубочку, он вальяжно пошел дальше по рядам, оставив растерянного Цуй Се перед чистым экзаменационным листом. Проходивший мимо стражник подлил ему горячей

воды, незаметно подмигнул и кивнул.

«Дай Жэнь относится к тебе с большим уважением, так что за воду денег с тебя не возьму».

Цуй Се решил, что стражник имел в виду: «Дай Жэнь высокого мнения о твоей статье и вовсе не собирается прицепляться». На сердце у него отлегло. Он тут же выудил пару кусочков серебра, дал стражнику, отпил горячей воды и вновь взялся за кисть, принимаясь за тему по «Ши цзин».

По правилам юаньши главный экзаменатор проверял работы единолично и сам решал, кого зачислить. Взяв черновик Цуй Се, Дай Жэнь вернулся в главный зал и несколько раз внимательно перечитал его. Текст показался ему немного отличным от того, что был на окружном экзамене: он не столь строго следовал каноническим рамкам, где на каждом шагу цитировались классики, а выражения из древних книг выдавались за собственные мысли. Здешний слог был более свободным, размашистым, с величественными рассуждениями и духом древней прозы, поражающим своей мощью.

Тогда он призвал инструктора уезда Цяньань и спросил:

— Сохранилась ли работа этого ученика с уездного экзамена? Написана ли она в том же стиле? Доставьте мне ее позже, я хочу сравнить.

Инструктор взглянул на лист и почтенно ответил:

— Да, стиль схож с этой работой. Ранее он получал наставления от начальника нашего уезда и любит переплетать древнюю прозу с экзаменационными сочинениями. — Подумав, он не удержался и заступился за юношу: — Впрочем, формальные правила и структура соблюдены безупречно.

Дай Жэнь вовсе не собирался придирааться. Просто, услышав, что статью правили указания начальника уезда Ци, он вспомнил изящные и простые путевые заметки из «Собрания сочинений почтенного Ци Чжияюаня» и невольно усмехнулся:

— Неужели и впрямь наставления вашего начальника уезда? Слогу этих двоих друг до друга как до луны. Сочинения уездного начальника Ци скорее подошли бы шестнадцатилетнему изящному туншэну, а этот текст написан так, будто выведен рукой умудренного опытом, степенного человека.

Инструктор не смел осуждать начальство, поэтому лишь молча стоял подле.

Пошутив, Дай Жэнь посмотрел на работу в руках и заключил:

— Изящества слога, быть может, и маловато, зато рассуждения широки, а повороты мысли оригинальны. Взгляните: он то пишет о зверях, то о людях, то ссылается на святых мудрецов... Непрерывный поток, подобный горам в облаках! Каждая фраза цепляется за предыдущую, создавая единое целое. Редкая работа, поражающая не вычурными словами, а самим построением.

Инструктор попытался уловить его настроение и с радостью спросил:

— Господин высоко ценит этого ученика?

Дай Жэнь ответил:

— Я и сам был бы не прочь взять его в ученики. Жаль только, в следующем году мой срок на посту магистра уезда истекает, да и его зачислят в уездное училище. Судьба сводит нас лишь на мгновение.

Обычно из тех шэньюаней, кто сдал юаньши, около восьмидесяти процентов направляли в уездные училища, а остальные двадцать процентов оставляли при управе. Попадание в уездное училище означало не просто зачисление, но и высокое место в списке. За таких талантливых учеников, способных писать прекрасные статьи и имевших отличные шансы на кэцзюй, уездные и управские училища соперничали между собой. Если юноша окажется в уездном училище и в будущем сдаст сянши или столичный экзамен, это станет заслугой местных чиновников от образования!

Инструктор с сияющим от радости лицом поднялся и поклонился Дай Жэню, сложив руки в приветствии:

— Подчиненный от имени этого ученика благодарит Дай Жэня за благосклонность и покровительство!

Дай Жэнь улыбнулся и велел ему идти готовить уездные экзаменационные работы, а сам прижал черновик стопкой на столе и продолжил обход.

В окрестностях Юнпинской управы не было крупных центров кэцзюй. Свыше сотни новых кандидатов, отобранных на окружном экзамене, да не сдавшие в прошлые годы туншэны и кандидаты из военных гарнизонов в совокупности не набирали и двух тысяч человек.

Экзаменационный комплекс в Юнпинской управе был построен недавно и легко вмещал две-три тысячи человек. На этот раз собрали кандидатов из шести уездов и одного гарнизона, но в павильонах все равно оставалось полно свободного места. Любые перешептывания или попытки шпаргалить были видны как на ладони. Пройдя с инспекцией, Дай Жэнь отстранил нескольких нарушителей, беглым взглядом окинул черновики остальных туншэнов и окончательно составил себе представление...

Видя, что под его началом вот-вот родится обладатель трех первых мест на начальных экзаменах, Дай Жэнь почувствовал легкую радость. Он взялся за кисть и написал письмо земляку, где сдержанно сообщил: «В Юнпинской управе мне попался настоящий талант».

Как только списки юаньши были составлены, мастера из управского училища поспешили вырезать красные доски с результатами по уездам и помчались к постоянным дворам, где остановились выдержавшие испытания шэньюани. У ворот храма Конфуция толпились гонцы, ожидавшие вывешивания итогового списка, чтобы разнести благие вести по родным местам кандидатов. Едва список появлялся, они нанизывали красную бумагу с радостными вестями и на всех парах мчались к домам и родственникам новоиспеченных шэньюаней, взрывая петарды и выпрашивая награду.

Постоялый двор, где остановился Цуй Се, был сплошь забит туншэнами и шэньюанями. В день оглашения результатов грохот петард не смолкал ни на минуту, а гонцы сменяли друг друга один за другим:

— Благая весть! Такой-то ученый отрок уезда такого-то милостью Дай Жэня удостоен стольких-то мест на суйши года Цзячэнь и допущен к сянши!

Чжао Инлинь и еще несколько туншэнов не стали дожидаться вестников и на рассвете устремились к воротам управы. Едва экзамены закончились, Цуй Се должен был приступить к

иллюстрациям для последних одиннадцати томов «Троецарствия». Эти преданные читатели не смели отвлекать его от важного дела и, бия себя в грудь, заявляли:

— Ты себе рисуй, а мы пойдём и перепишем твоё имя! Ты ведь взял первые места на двух предыдущих экзаменах, так что и теперь наверняка в первых рядах — долго искать не придется!

Пэн Янь тоже горел желанием поскорее узнать результаты. Дождавшись, пока остальные уйдут, он поднес Цуй Се чашку чая и предложил:

— Молодой господин, может, и я сбегаю посмотреть?

Цуй Се улыбнулся:

— Посмотришь, а потом, может, съездишь домой с доброй вестью? Мне-то ещё оставаться в управском городе — ждать повторных испытаний, обряда поступления в училище да проводов экзаменатора. А твой отец и управляющий Цзи дома извелись от ожидания.

Пэн Янь возразил:

— Ничего, к нам домой точно пошлют вестников! А мне ещё надо остаться здесь: заказывать вам серебряные цветы на шапку, шить новые одежды, головной убор шэньюаня, сапоги, чулки и пояса. К тому же, если вы пойдёте пировать с новыми друзьями-шэньюанями, я должен быть рядом! А то у всех остальных слуги есть, а вы один — засмеют ведь.

Цуй Се слегка щёлкнул его по лбу, обтянутому чёрной сеткой для волос:

— Ты ведь уже молодой хозяин, а всё считаешь себя мальчиком на посылах? Одежду твой отец приготовил заранее, достаточно отдать её хозяину постоянного двора накрахмалить — и можно носить, так что не трудись. К тому же пирушки — дело не самое полезное, я и сам туда не пойду, а тебе, ребёнку, тем более делать там нечего. Если хочешь посмотреть списки — иди, купи по дороге чего-нибудь вкусного и смотри не потеряйся.

Пэн Янь, потирая лоб, со смехом выбежал на улицу:

— За те дни, что вы сдавали экзамены, я уже весь управский город вдоль и поперек обошёл! С чего бы мне теряться из-за какого-то списка? Молодой господин, вы спокойно рисуйте, а я в обед принесу вам тушеную курицу!

<http://bllate.org/book/18372/1761333>